

ЭРИХ ФРОММ

ЗДОРОВОЕ ОБЩЕСТВО

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 316.6

ББК 88.5

Ф91

Серия «Эксклюзивная классика»

Erich Fromm

THE SANE SOCIETY

Перевод с английского *Т. Банкетовой, С. Карпушиной*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения

The Estate of Erich Fromm and of Annis Fromm

и литературного агентства Liepman AG, Literary Agency.

Фромм, Эрих.

Ф91 Здоровое общество / Эрих Фромм ; [пер. с англ. Т. Банкетовой, С. Карпушиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 528 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-116468-3

Взаимоотношения человека и общества с давних пор привлекали философов. Является ли индивидуум уже по самой природе своей асоциальным, как утверждал Фрейд, или верно предположение Маркса, что человек есть животное общественное?

Эрих Фромм, предпринявший попытку примирить эти противоположные точки зрения, высказывает мнение, что современное общество заражено деперсонализацией индивида. И вылечить эту болезнь можно лишь с обретением позитивной свободы — «свободы для чего-либо», совершив переход от состояния «иметь» к состоянию «быть».

УДК 316.6

ББК 88.5

© Erich Fromm, 1955

© Перевод. Т. Банкетова, 2019

© Перевод. С. Карпушина, 2019

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-116468-3

Глава I

НОРМАЛЬНЫ ЛИ МЫ?

Нет более расхожей мысли, чем та, что мы, обитатели западного мира XX в., совершенно нормальны. Даже при том факте, что многие из нас страдают более или менее тяжелыми формами психических заболеваний, общий уровень душевного здоровья не вызывает у нас особых сомнений. Мы уверены, что, введя более совершенные методы психической гигиены, можем в дальнейшем улучшить положение дел в этой области. Если же речь заходит об индивидуальных психических расстройствах, мы рассматриваем их лишь как абсолютно частные случаи, разве что немного недоумевая, отчего же они так часто встречаются в обществе, считающемся вполне здоровым.

Но можем ли мы быть уверены в том, что не обманываем себя? Известно: многие обитатели психиатрических лечебниц убеждены, что помешанными являются все, кроме них самих. Немало тяжелых невротиков полагают, что их навязчивые идеи или истерические припадки — это нормальная реакция на не совсем обычные обстоятельства. Ну а мы сами?

Давайте рассмотрим факты с точки зрения психиатрии. За последние 100 лет мы — обитатели западного мира — создали больше материальных благ, чем любое другое общество в истории человечества. И тем не менее мы умудрились уничтожить миллионы людей в войнах. Наряду с более мелкими были и крупные войны 1870, 1914 и 1939 гг. Каждый участник этих войн твердо верил в то, что он сражается, защищая себя и свою честь. На своих противников смотрели как на жестоких, лишенных здравого смысла врагов рода человеческого, которых надо разгромить, чтобы спасти мир от зла. Но проходит всего несколько лет после окончания взаимного истребления, и вчерашние враги становятся друзьями, а недавние друзья — врагами, и мы опять со всей серьезностью принимаемся распиливать их соответственно белой или черной краской. В настоящее время — в 1955 г. — мы готовы к новому массовому кровопролитию; но если бы оно произошло, то превзошло бы любое из совершённых человечеством до сих пор. Именно для этой цели и было использовано одно из величайших открытий в области естественных наук. Со смешанным чувством надежды и опасения взирают люди на «государственных мужей» разных народов и готовы восхвалять их, если они «умеют избежать войны»; при этом упускают из виду, что войны всегда возникали как раз по вине государственных деятелей, но, как правило, не по злому умыслу, а вследствие неразумного и неправильного исполнения ими своих обязанностей.

Тем не менее во время таких вспышек деструктивности и параноидальной подозрительности мы ведем себя точно так же, как это делала цивилизованная часть человечества на протяжении последних трех тысячелетий. По подсчетам Виктора Шербюлье, в период с 1500 г. до н.э. по 1860 г. н. э. подписано по меньшей мере 8 тыс. мирных договоров, каждый из которых, как предполагалось, призван был обеспечить длительный мир: в действительности срок действия каждого из них составлял в среднем всего два года!¹

Наша хозяйственная деятельность едва ли обнадеживает в большей мере. Мы живем в такой экономической системе, где слишком высокий урожай зачастую оказывается экономическим бедствием, — и мы ограничиваем продуктивность сельского хозяйства в целях «стабилизации рынка», хотя миллионы людей остро нуждаются в тех самых продуктах, производство которых мы ограничиваем. Сейчас наша экономическая система функционирует весьма успешно. Но одна из причин этого состоит в том, что мы ежегодно расходуем миллиарды долларов на производство вооружений. С некоторой тревогой думают экономисты о том времени, когда мы перестанем производить вооружение; мысль же о том, что вместо производства оружия государству надлежит строить дома и выпускать необходимые и полезные вещи, тотчас влечет за собой обвинение в посягательстве на свободу частного предпринимательства.

Более 90 % населения у нас грамотны. Радио, телевидение, кино и ежедневные газеты доступны всем. Однако вместо того чтобы знакомить нас с лучшими литературными и музыкальными произведениями прошлого и настоящего, средства массовой информации в дополнение к рекламе забивают людям головы самым низкопробным вздором, далеким от реальности и изобилующим сандвистскими фантазиями, которыми мало-мальски культурный человек не стал бы даже изредка заполнять свой досуг. Но пока происходит это массовое развращение людей от мала до велика, мы продолжаем строго следить за тем, чтобы на экраны не попало ничего «безнравственного». Любое предложение о том, чтобы правительство финансировало производство кинофильмов и радиопрограмм, просвещающих и развивающих людей, также вызвало бы возмущение и осуждение во имя свободы и идеалов.

Мы сократили количество рабочих часов почти вдвое по сравнению с временами столетней давности. О таком количестве свободного времени, как у нас сегодня, наши предки не осмеливались и мечтать. И что же? Мы не знаем, как использовать это недавно приобретенное свободное время: мы стараемся убить его и радуемся, когда заканчивается очередной день.

Стоит ли продолжать описание того, что и так хорошо всем известно? Если бы подобным образом действовал отдельно взятый человек, то, безусловно, возникли бы серьезные сомнения — в своем

ли он уме. Если бы тем не менее он стал настаивать на том, что все в порядке и что он действует вполне разумно, то диагноз не вызывал бы никаких сомнений.

Однако многие психиатры и психологи отказываются признавать, что общество в целом может быть психически не вполне здоровым. Они считают, что проблема душевного здоровья общества заключается лишь в количестве «неприспособленных» индивидов, а не в возможной «неотлаженности» самого общества. В настоящей книге рассмотрен как раз последний вариант постановки проблемы: не индивидуальная патология, а патология нормальности, особенно в современном западном обществе. Но прежде чем приступить к непростому обсуждению понятия социальной патологии, давайте познакомимся с некоторыми весьма красноречивыми и наводящими на размышления данными, которые позволяют судить о масштабах распространения *индивидуальной патологии* в западной культуре.

Насколько широко распространены психические заболевания в различных странах западного мира? Самое удивительное, что данных, отвечающих на этот вопрос, вообще не существует. Имея точные сравнительные статистические показатели о материальных ресурсах, занятости, о рождаемости и смертности, мы не располагаем соответствующей информацией о психических заболеваниях. В лучшем случае у нас есть некоторые сведения по ряду стран, таких как США и Швеция. Но они дают

представление только о числе пациентов в психиатрических лечебницах и не могут помочь в определении сравнительной частоты психических расстройств. В действительности же эти данные указывают не столько на увеличение количества психических заболеваний, сколько на расширение возможностей психиатрических лечебных заведений и улучшение медицинского обслуживания в них². Тот факт, что больше половины всех больничных коек в США занято пациентами с психическими расстройствами, на которых мы ежегодно расходуем свыше миллиарда долларов, может, скорее, свидетельствовать не о росте числа душевнобольных, а лишь о развитии медицинского обслуживания. Однако есть другие цифры, с большей определенностью указывающие на распространение довольно тяжелых случаев нарушений психики. Если во время последней войны 17,7 % всех призывников были признаны негодными к военной службе из-за психических заболеваний, то это, несомненно, свидетельствует о высокой степени психического неблагополучия, даже если у нас нет аналогичных показателей для сравнения с прошлым или с другими странами.

Единственными сопоставимыми величинами, которые могут нам дать приблизительное представление о состоянии психического здоровья, являются сведения о самоубийствах, убийствах и алкоголизме. Самоубийство, без сомнения, — наиболее сложная проблема, и ни один отдельно взятый фактор нельзя признать его *единственной* причиной. Но,

даже не вдаваясь в обсуждение этой проблемы, я считаю вполне обоснованным предположение, что высокий процент самоубийств в той или иной стране отражает недостаток психической стабильности и душевного здоровья. Такое положение вещей обусловлено отнюдь не бедностью. Это убедительно подтверждается всеми данными. Меньше всего самоубийств совершается в самых бедных странах, в то же время рост материального благосостояния в Европе сопровождался увеличением числа самоубийств³. Что же касается алкоголизма, то и он, вне всякого сомнения, указывает на психическую и эмоциональную неуравновешенность.

Мотивы убийств, пожалуй, в меньшей степени свидетельствуют о патологии, чем причины самоубийств. Тем не менее, хотя в странах с большим числом убийств наблюдается низкий уровень числа самоубийств, сумма этих показателей приводит нас к интересному выводу. Если мы отнесем и убийства, и самоубийства к «деструктивным действиям», то из приведенных здесь таблиц обнаружим, что совокупный показатель таких действий — величина отнюдь не постоянная, а колеблющаяся в интервале между крайними значениями — 35,76 и 4,24. Это противоречит фрейдовскому предположению об относительном постоянстве количества деструктивности, на чем основана его теория инстинкта смерти, и опровергает вытекающий из этого вывод о том, что разрушительность сохраняется на одном уровне, отличаясь только направленностью на себя или на внешний мир.

Приведенные ниже таблицы показывают количество убийств и самоубийств, а также число людей, страдающих алкоголизмом, в ряде наиболее важных стран Европы и Северной Америки. В табл. I, II и III приведены данные за 1946 г.

Таблица I
Деструктивные действия⁴
(на 100 тыс. человек взрослого населения,%)

Страна	Самоубийства	Убийства
Дания	35,09	0,67
Швейцария	33,72	1,42
Финляндия	23,35	6,45
Швеция	19,74	1,01
США	15,52	8,5
Франция	14,83	1,53
Португалия	14,24	2,79
Англия и Уэльс	13,43	0,63
Австралия	13,03	1,57
Канада	11,4	1,67
Шотландия	8,06	0,52
Норвегия	7,84	0,38
Испания	7,71	2,88
Италия	7,67	7,38
Северная Ирландия	4,82	0,13
Ирландия (Республика)	3,7	0,54

Таблица II
Деструктивные действия

Страна	Суммарное число убийств и самоубийств, %
Дания	35,76
Швейцария	35,14
Финляндия	29,8
США	24,02
Швеция	20,75
Португалия	17,03
Франция	16,36
Италия	15,05
Австралия	14,6
Англия и Уэльс	14,06
Канада	13,07
Испания	10,59
Шотландия	8,58
Норвегия	8,22
Северная Ирландия	4,95
Ирландия (Республика)	4,24

Таблица III
**Приблизительное число страдающих алкоголизмом
(с осложнениями или без них)**

Страна	На 100 тыс. взрослых	Год
США	3902	1948
Франция	2850	1945
Швеция	2580	1946
Швейцария	2385	1947
Дания	1950	1948
Норвегия	1560	1947
Финляндия	1430	1947
Австралия	1340	1947
Англия и Уэльс	1100	1948
Италия	500	1942

При беглом взгляде на эти таблицы бросается в глаза интересный факт: страны с самым высоким количеством самоубийств — Дания, Швейцария, Финляндия, Швеция и США — имеют и самый высокий общий показатель количества убийств и самоубийств, в то время как другие страны — Испания, Италия, Северная Ирландия и Ирландская Республика — характеризуются самыми низкими показателями и по количеству убийств, и по числу самоубийств.

Данные табл. III свидетельствуют о том, что на страны с наиболее высоким количеством самоубийств — США, Швейцарию и Данию — приходятся и самые высокие показатели по алкоголизму, с той лишь разницей, что, по данным этой таблицы, США занимают 1-е место, а Франция — 2-е место соответственно вместо 5-го и 6-го мест по количеству самоубийств.

Эти цифры воистину устрашают и вызывают тревогу. Ведь даже если мы усомнимся в том, что высокая частота самоубийств сама по себе свидетельствует о недостатке психического здоровья у населения, то значительное совпадение данных о самоубийствах и алкоголизме, по всей видимости, показывает, что здесь мы имеем дело с признаками психической неуравновешенности.

Кроме того, мы видим, что в странах Европы — наиболее демократических, мирных и процветающих, а также в Соединенных Штатах — богатейшей стране мира, проявляются самые тяжелые симптомы психических отклонений. Целью всего социально-экономического развития западного мира являются

ся материально обеспеченная жизнь, относительно равное распределение богатства, стабильная демократия и мир; и как раз в тех странах, которые ближе других подошли к этой цели, наблюдаются наиболее серьезные симптомы психического дисбаланса! Правда, сами по себе эти цифры ничего не доказывают, но они, по меньшей мере, ошеломляют. И еще до начала более детального рассмотрения всей проблемы эти данные подводят нас к вопросу: нет ли чего-нибудь в корне неправильного в нашем образе жизни и в целях, к которым мы стремимся?

Не может ли быть так, что обеспеченная жизнь среднего класса, удовлетворяя наши материальные потребности, вызывает у нас чувство невыносимой скуки, а самоубийства и алкоголизм — всего лишь болезненные попытки избавиться от нее? Может быть, приведенные данные являются впечатляющей иллюстрацией истинности слов «не хлебом единым жив человек» и вместе с тем показывают, что современная цивилизация не в состоянии удовлетворить глубинные потребности человека? И если так, то что это за потребности?

В следующих главах попытаемся ответить на этот вопрос и критически оценить влияние западной культуры на душевное развитие и психику людей, живущих в странах Запада. Однако прежде чем приступить к детальному обсуждению этих проблем, нам, по-видимому, следует рассмотреть общую проблему патологии нормальности, так как именно она служит исходной посылкой всего направления мыслей, изложенных в этой книге.

Глава II

МОЖЕТ ЛИ ОБЩЕСТВО БЫТЬ БОЛЬНЫМ?

ПАТОЛОГИЯ НОРМАЛЬНОСТИ⁵

Утверждать, что обществу в целом может не хватать психического здоровья, — значит исходить из спорного предположения, противоположного позиции *социологического релятивизма*, разделяемой большинством представителей общественных наук нашего времени. Эти ученые исходят из того, что каждое общество нормально постольку, поскольку оно функционирует, и что патологию можно определить только как недостаточную приспособляемость индивида к образу жизни общества.

Говорить о «здоровом обществе» — значит базироваться на посылке, отличной от социологического релятивизма. Это имеет смысл только в том случае, если мы допускаем, что существование психически *нездорового* общества возможно; это, в свою очередь, предполагает существование общепринятых критериев душевного здоровья, применимых к роду человеческому как таковому, на основании которых можно судить о состоянии здоровья любого общества. Эта позиция *нормативного*

гуманизма основана на нескольких главных предпосылках.

Человека как единицу вида можно определить не только с точки зрения анатомии и физиологии; для представителей этого вида характерны общие психические свойства, законы, управляющие их умственной и эмоциональной деятельностью, а также стремление к удовлетворительному разрешению проблем человеческого существования. Впрочем, наши знания о человеке все еще настолько несовершенны, что мы пока не можем строго определить человека в психологическом плане. Задача «науки о человеке» — составить, наконец, точное описание того, что с полным основанием называется природой человека. То, что зачастую называли природой человека, оказывалось всего лишь одним из ее многочисленных проявлений (к тому же нередко патологическим); причем, как правило, эти ошибочные определения использовались для защиты данного типа общества, представляя его как неизбежный результат, соответствующий психическому складу человека.

В противовес такому реакционному использованию понятия природы человека либералы начиная с XVIII в. подчеркивали изменчивость человеческой природы и решающее влияние на нее окружающей среды. Такая постановка вопроса, при всей ее правильности и важности, побудила многих представителей общественных наук предположить, будто психический склад человека не определяется присущими ему самому свойствами,